

На правах рукописи

Малюта Евгений Григорьевич

**ГИМНОГРАФИЯ КНЯЗЯ СИМЕОНА ШАХОВСКОГО:
ИДЕЙНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Специальность: 5.9.1. – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Работа выполнена в отделе древнеславянских литератур
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук

Научный руководитель: **Кириллин Владимир Михайлович,**
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник отдела
древнеславянских литератур ФГБУН
Института мировой литературы имени
А.М. Горького Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Пауткин Алексей Аркадьевич,**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры истории русской
литературы филологического факультета
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Дергачёва Ирина Владимировна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Лингводидактика и
межкультурная коммуникация»
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Новгородский
государственный университет имени
Ярослава Мудрого»**

Защита состоится «19» декабря 2024 года в 15:00 часов на заседании
Диссертационного совета Д 24.1.080.03 при ФГБУН Институте мировой
литературы имени А.М. Горького Российской академии наук по адресу:
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте
ФГБУН Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской
академии наук: www.imli.ru.

Автореферат разослан « » ноября 2024 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение истории русской гимнографии XVI–XVII веков, в настоящее время вышедшее на существенно новый уровень ввиду публикации ряда научных работ, посвященных уточнению спектра вопросов биографии и литературной деятельности самобытных русских гимнографов этого времени и публикации корпуса неизвестных ранее трудов последних, а также в контексте изучения развития и взаимовлияния центров книжности двух митрополий Русской Церкви и ряда вопросов, связанных с книжной справой при патриархах Филарете и Иоасафе I, представляется недостаточным без привлечения нового, ранее неопубликованного и неизученного материала. Исследование смысловых акцентов, характера цитации и аллюзий, системы топосов, адресации текстов и историко-литературного контекста их создания открывает новые, неочевидные ранее, возможности прочтения и понимания указанных памятников и привлекают внимание к именам современников, литературный труд которых не был ранее высоко оценен вследствие устоявшегося мнения о маловажности ряда их сочинений как не имеющих сколько-нибудь значимых достоинств.

Один из таких писателей первой половины XVII века, князь Симеон Иванович Шаховской, может быть назван во всех отношениях незаурядным человеком. Его бурная биография способна произвести впечатление непрерывной чередой опал и возвышений, вихрем политических самоопределений в Смутное время и постоянной переменой мест службы после него, трагедиями в семейной жизни, недоверием первых лиц государства и случаями непосредственной надобности их же именно в литературном таланте Шаховского. Воевода и посол, Симеон Шаховской считался одним из образованнейших людей своего времени, и притом «...человеком правдивым, шествующим путем правды, немало разумеющим божественного Писания и приимшим по дару Божию много здравого учения»¹.

Биография С. И. Шаховского, хорошо известная к настоящему моменту, в свете открытия новых источников раскрывает прежние загадки и ставит новые проблемы источниковедческого характера. Близость Шаховского к кругу первых справщиков Московского печатного двора и знакомство со многими образованными людьми своего времени давали ему возможность быть хорошо осведомленным о проблемах антипротестантской полемики, а также об изданиях богослужебной литературы книжниками Западнорусской митрополии, и о трудах своих корреспондентов в Москве и Новгороде.

В настоящей работе предпринята попытка по-новому взглянуть на ряд аспектов литературной деятельности и интересов Шаховского как писателя путем изучения группы произведений гимнографического характера, не

¹ Так отзывался о князе дьяк Третьяк Васильев. *Корсаков Д. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 22. С. 586.*

привлекавшей (за почти единственным исключением²) ранее внимания специалистов. Неоднократно отмеченная современниками глубина богословских знаний, широкая эрудиция, талантливая (хотя подчас неоднозначная) аргументация суждений и широта интересов князя Симеона заставляют более пристально обратить внимание на подчеркнута церковную сторону его творчества. Предназначенные как для богослужебного, так и для частного употребления, эти сочинения характеризуют Шаховского как писателя с определенным умением создавать подобные произведения и достойны особого внимания исследователей еще и ввиду невозможности назвать данные опыты князя систематическими, но именно опытами выражения своего отношения к конкретному событию, проявлением литературного таланта автора в классических формах церковных песнопений (а также в контексте следования новым тенденциям развития гимнографии) и декларацией возможности такого проявления как обусловленной Божиим даром писателю – не монаху, не состоящему в клире, а неоднократно бывшему под подозрением в измене и вольнодумстве мирянину Шаховскому.

Сознание важности своего литературного труда побуждает князя Симеона скрупулезно надписывать сочинения, оформлять их в сборники и заботиться о сохранности последних. Собrania сочинений князя содержат целый ряд богословских, гомилетических, канонических посланий и рассуждений о книжной справе, необходимость которой тогда уже осознавалась автором и его корреспондентами. В многочисленных посланиях Шаховского разным лицам отражен целый спектр вопросов, волновавших умы людей его круга. Собираательный портрет собеседника автора и адресата его посланий, принимавшего во внимание аргументацию указанных сочинений, многое скажет об аудитории этих сознательно публицистических произведений Шаховского, заботившегося об их сохранности. Большинство из них отличают особенности, подмеченные Е. П. Семеновой: адресность, рассчитанность на конкретного читателя и подчеркнута практический характер³.

В упомянутые сборники включены и некоторые гимнографические опыты Шаховского; таким образом им придано сопоставимое с сочинениями князя исторического характера значение. Ключевой вопрос, отчего автор неоднократно пробует свои силы в такой сакрализованной сфере литературного творчества, какие цели преследует, а, главное, *как* он это делает, оставался до настоящего времени открытым, а его гимнографические опыты (представляющие более трети всех сочинений автора), оставались без должного внимания исследователей и не были введены в научный оборот.

² Речь идет об обзоре А.И. Никольским канона Шаховского св. Софии. *Никольский А. И.* София Премудрость Божия // Вестник археологии и истории. СПб., 1906. Вып. 17. С. 69–81.

³ *Семенова Е.П.* Русская общественная мысль первой половины XVII в (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. С. 61, 181.

Выражение личного благочестия в виде создания сочинений в жанрах гимнографии являлось, в том числе, непосредственным откликом на отдельные события биографии Шаховского; соответствующая характеристика позиционирует его как не ограниченного одним литературным стилем, но способного выразить свой взгляд на актуальные проблемы, остановившие его внимание, в сочинениях самого различного характера, включая гимнографические опыты. Причины создания данных произведений, авторские методы, степень следования образцам и характер их самостоятельной обработки, богословский контекст, аспекты имагологии и стилистики канонов и акафистов – разрешение вопросов подобной проблематики на материале гимнографических произведений Шаховского может приблизить к комплексному исследованию его творчества как отражающего ряд сложных литературных процессов первой половины XVII века.

Таким образом, настоящее исследование соответствующих произведений Шаховского и характеристика его как гимнографа находится на стыке направлений научного дискурса, касающихся изучения истории русской самобытной литературы, отношений писателя и его аудитории, форм общественно-политической мысли в указанный период, наконец, жанровых характеристик целого ряда знаковых произведений русских книжников исторического, публицистического, полемического, агиографического и даже автобиографического характера. Вышеуказанными доводами определяется **актуальность** настоящей работы.

Ключевое для нашего исследования положение заключается в общей оценке гимнографических опытов Шаховского как несомненно важной, сравнительно с сочинениями исторического и полемического характера, составляющей его литературного наследия. Неоднократные опыты написания канонов и молитв показывают, что Шаховской сознает себя гимнотворцем и отстаивает возможность использования своих сочинений в общецерковном масштабе. Записка к «Кондакам со икосы святителям Московским» обозначает такую позицию как утверждение о наличии соответствующего таланта, а просьба князя к патриарху принять гимнографический опыт легитимизирует возможность обнаружить этот талант. Представленное в главах диссертации исследование объединенных в группы по принципу единства жанра гимнографических произведений дает основания с большой степенью уверенности говорить о высокой степени литературного мастерства Шаховского.

Создание произведений подобного рода в каждом случае подчинено определенной цели, и каждое произведение представляет собой новый, относительно прежнего, опыт и решает определенную задачу, будь то гимнографическое произведение, раскрывающее аспект догматики или написанное по обету. Этот поиск выражения мысли Шаховским, (хотя и использующим прежние литературные формы), а также близкое знакомство князя со многими авторами известных произведений начала XVII века и

книжниками Московского печатного двора, его общеизвестная начитанность и эрудиция, позволяют считать, что гимнография явилась одним из направлений литературных опытов Шаховского, уже позиционирующего себя как писателя.

Канон трем святителям Московским, первый среди подобных произведений, обнаруживает незаурядное мастерство Шаховского в организации текста, снабжении его рядом виршевых характеристик, стилистических, структурных, метрических украшений. Примененный нами изоколический метод изучения структуры гимнографических текстов Р. Пиккио позволяет предположить ориентацию Шаховского на творчество гимнотворцев соловецкой традиции.

Интересы и литературный талант Шаховского-богослова проявлены в канонах Софии Новгородской и на праздник Положения ризы Христа в Москве. Нетривиальные в обоих случаях дидактическая и апологетическая задачи решаются путем тематической и стилистической организации текста, усиленным вниманием к употреблению терминологии и верной экзегезе библейских цитат.

Демонстрация интереса к редкому в то время жанру акафиста выказывает определенную литературную смелость и самостоятельность автора в вариациях структуры своих сочинений этого типа, сравнительно с текстом образцов.

Содержание и поэтика корпуса частных молитв представляют читателю инога Шаховского, не преследующего косвенно цели публицистического характера, но пользовавшегося доступными ему источниками для определения личного молитвенного правила, по всей видимости, соотносящегося с реалиями его сложной биографии. Разнородный состав этого правила показывает внимание автора к тенденциям развития гимнографии, а также специфику творчества мирянина-гимнографа, отразившиеся в вариативности содержания и стилистики ряда молитв, причем автор может быть вдохновлен как непосредственно – образцом личной же молитвы Максима Грека, так и уставным правилом, а также сочинениями совершенно иного порядка.

Определенный литературный талант проявляется и в умелом использовании князем гимнографического материала (как то показывает анализ ряда вставок в произведениях иных жанров), причем можно наблюдать разницу стилистического оформления таких цитат и интерполяций в зависимости от цели конкретного сочинения.

Таким образом, характеристика рассмотренных памятников приводит к уточнению прежних подходов к изучению творчества князя С. И. Шаховского через определение его как состоявшегося гимнографа, в указанных сочинениях которого личное начало проявлено не менее явно, чем в других.

Материалами исследования послужили гимнографические сочинения князя Симеона Шаховского по рукописям из собраний РГБ, РНБ,

ГИМ, а также издания иных сочинений указанного автора XIX–XX вв. В ряде случаев в качестве дополнительных источников были привлечены современные сочинения Шаховского рукописи и издания источников богослужебного характера.

Цель исследования – характеризовать гимнографическое творчество князя Симеона Шаховского в контексте его литературного наследия и искусство самого автора как гимнографа.

Объектом исследования являются гимнографические произведения и их фрагменты в составе наследия князя С. И. Шаховского, а также ряд иных сочинений последнего. **Предмет исследования** – выраженное в указанных сочинениях искусство автора-гимнографа.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Исследование трех канонов несомненного авторства С. И. Шаховского с точки зрения структурных, идейно-смысловых и стилистических особенностей;

2. Поиск непосредственных образцов указанных сочинений князя и определение степени самостоятельности его как гимнографа путем изучения характера бытования в его канонах соответствующих заимствований из богослужебных источников;

3. Характеристика структурно-тематической и художественной специфики двух акафистов авторства князя Симеона как редкой формы русской гимнографии первой половины XVII века и первых акафистов русским святым;

4. Изучение тематической специфики (с применением методов герменевтического анализа) личных молитв из сборников сочинений Шаховского;

5. Оценка использования гимнографических интерполяций в тексте иных сочинений Шаховского, в том числе, характеристика сочинений князя, содержащих рассуждения о книжной справе, основанные на конкретных богослужебных текстах, ставших причиной разногласий автора и его адресатов.

Научная новизна исследования обусловлена впервые поставленной проблемой выражения литературного таланта С. И. Шаховского как самобытного автора ряда гимнографических сочинений первой половины XVII века и, в целом, заключается во введении в научный оборот и разностороннем изучении ряда таких сочинений. В частности, в научный оборот впервые вводится ряд произведений князя крупных форм (канонов и акафистов), а также группа личных молитв последнего, изучение которых позволило уточнить степень литературной обработки Шаховском источников разного характера. В ходе изучения неопубликованных памятников гимнографии Шаховского подтверждена и уточнена атрибуция акафиста трем святителям Московским и найден более ранний список, содержащий указанное сочинение.

Методология и методы диссертационного исследования.

Изучение целого ряда ранее неопубликованных памятников (в том числе, новооткрытой нами редакцией «Кондаков со икосы трем святителям Московским», имеющей несомненную атрибуцию) предполагает последовательное применение описательного метода в отношении их формы и содержания. В исследовании представлен пример комплексного подхода к изучению особенностей содержания и стиля гимнографических сочинений князя Шаховского, сочетающего культурно-исторический, текстологический и компаративно-сопоставительный методы. Герменевтический подход способствует прочтению гимнографического текста с учетом исторических реалий, известных ранее, и новооткрытых аспектов биографии князя Шаховского и оценки его как церковного писателя, следующего определенным тенденциям развития жанров богослужебной литературы. Структурный анализ ряда гимнографических сочинений Шаховского включает в себя лингвостатистический метод изучения связи семантических особенностей содержания и ритмики текста.

Теоретической и методологической основой исследования послужили историко-литературные труды и комментарии Ф. Г. Спасского, Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц, А. С. Демина, В. В. Кускова, В. Н. Топорова, В. М. Кириллина, Р. Пиккио, Т. А. Опариной, О. В. Панченко, Д. М. Буланина и ряда других исследователей истории и поэтики древнерусской литературы указанного периода.

Степень разработанности проблемы отражена в отдельном параграфе работы, включающем в себя обзор исследований, посвященных литературному наследию князя Шаховского и его биографии, и новую постановку проблематики изучения сочинений последнего сквозь призму внимания к нему как к гимнографу (для этого в настоящей диссертации вводится в научный оборот целый ряд неисследованных ранее работ князя, составляющий до трети всего литературного наследия последнего).

Теоретическая значимость работы заключается в определении важности комплексного изучения литературного наследия Шаховского путем выявления ценности гимнографических сочинений автора и, в целом, актуализации необходимости комплексного и междисциплинарного изучения развития форм русской гимнографии в первой половине XVII века.

Практическая значимость работы. Результаты исследования вносят вклад в развитие научного дискурса относительно проблематики авторской идентичности древнерусского книжника конца XVI – первой половины XVII веков, исследования развития русской гимнографии в указанный период, а также изучения постепенной трансформации устойчивых жанровых форм (в том числе в контексте осмысления событий Смутного времени и новых культурных факторов). Промежуточные результаты изучения гимнографии Шаховского могут быть привлечены в качестве справочного материала по истории русской гимнографии, при подготовке учебных пособий и методических указаний, в разработке соответствующих курсов, а также при

критическом издании антологий и отдельных памятников авторства Шаховского.

Положения, выносимые на защиту.

1. Гимнографические сочинения князя Симеона Шаховского, русского военачальника и дипломата первой половины XVII в., автора ряда сочинений исторического характера, впервые в настоящей работе становящиеся самостоятельным объектом исследования, показывают его талантливым автором, умело использующим материал широкого ряда источников. Эти сочинения подтверждают мнение современников о неординарной эрудиции Шаховского, иллюстрируют его заботу о структурно-тематической и поэтической организации своих трудов и обнаруживают специфику гимнографического искусства автора, выраженную в многочисленных метрических и стилистических украшениях текста, метафоричности языка и семантике употребляемых терминов и выражений.

2. Князь Шаховской отчетливо позиционирует себя как гимнограф и просит санкционирования этого аспекта его литературной деятельности высшим церковным руководством, что доказывает значимое место гимнографии в составе его литературных трудов и обуславливает необходимость соответствующего отношения к ней в контексте комплексного изучения литературного наследия Шаховского и выражения в нем авторского начала.

3. Вовлеченность Шаховского в проблематику современной ему конфессиональной полемики обнаруживает определенную смелость последнего как писателя, выражающего в гимнографических произведениях аргументированное мнение по вопросам богословского характера и включающего, таким образом, данные произведения в цикл посвященных одной теме сочинений разных жанров.

4. Устоявшееся в науке мнение о Шаховском-составителе канона Софии Новгородской как о не разобравшемся в вопросе и не справившемся с задачей отражения в гимнографическом произведении единственно верного из бытовавших в его время толкований иконографического образа должно быть скорректировано с учетом иного определения цели Шаховского: автору необходимо было комплексно и последовательно изложить догматически допустимые толкования Софии. Структурно-тематический анализ произведения и наблюдения над характером употребления экзегезы и символической терминологии в каноне приводят к выводу: канон Софии Новгородской показывает достаточное умение гимнографа решить стоявшие перед ним задачи путем выстраивания композиции и ряда уровней структурной организации канона, а также выверенным употреблением терминологии.

5. Интерес к редким жанровым формам показывает внимание Шаховского к современным ему тенденциям развития русской гимнографии: прославление в жанре акафиста русских святых, и, в частности, личный

характер обетного акафиста преп. Сергию Радонежскому ставит его в число гимнографов-новаторов своего времени. Значимость гимнографических опытов подчеркнута личного характера выражена и во включении князем Симеоном в сборники своих сочинений значительного корпуса частных молитв, в ряде случаев составленных на основе разнородных источников и отражающих ряд моментов биографии князя, а также молитв почитаемым им святым.

6. Место гимнографии в литературной деятельности изучаемого автора должно быть определяемо особым вниманием последнего к вопросам книжной справы, выраженным в посланиях ряду лиц по поводу верного прочтения и понимания спорных фрагментов богослужебной литературы. Характер цитирования им соответствующих источников, равно как и использования гимнографических фрагментов в текстах других сочинений князя Симеона приводит к выводу о вариативности формы включения автором гимнографического материала в свой труд в зависимости от цели сочинения.

7. Характеристика литературной деятельности С. И. Шаховского, таким образом, должна производиться с учетом определения его как следующего классическим жанровым формам гимнографа, самостоятельного как в выборе предмета прославления, так и в выражении идейно-тематической специфики содержания.

Апробация результатов исследования

Апробация промежуточных результатов диссертационной работы производилась путем докладов на международных научно-практических и научных конференциях:

1. III Международная научная конференция «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты», 18–19 июня 2021 г. ИМЛИ РАН, г. Москва;

2. IV Международная научная конференция «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты», 16–18 июня 2022 года;

3. V Всероссийская научно-практическая конференция «Христианство и литература», 6–7 ноября 2022 г. Кузбасская православная духовная семинария, г. Новокузнецк.

4. Всероссийская Покровская научная богословская конференция, 12 октября 2022 г. Московская православная духовная академия, г. Сергиев Посад.

5. IV Всероссийская научно-практическая конференция кафедры филологии Московской духовной академии «Таинство слова и образа», 24–25 ноября 2022 г. Московская православная духовная академия, г. Сергиев Посад.

6. IV Зимняя всероссийская научно-практическая школа-конференция с международным участием «ЯЗЫК–ЛИТЕРАТУРА–

ПРАВОСЛАВИЕ», 14–16 декабря 2022 г. Тобольская духовная семинария, г. Тобольск.

7. V Международная научная конференция «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты», 15–17 июня 2023 г. ИМЛИ РАН, г. Москва;

8. XII Международная научная конференция аспирантов и молодых ученых. «Поэтика художественной детали в мировой литературе: традиции и новации (к 300-летию РАН)», 30–31 мая 2023 г. ИМЛИ РАН, г. Москва;

9. XI Международная научная конференция аспирантов и молодых ученых (к 90-летию ИМЛИ), 14–15 июня 2022 г. ИМЛИ РАН, г. Москва.

10. VI Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM» художественная литература: опыт современного прочтения. Автобиографизм в художественной и документальной литературе, 7–8 апреля 2023 г. Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург.

11. IX конференция по традиционной культуре Русского Севера «Рябининские чтения – 2023», 12–14 сентября 2023 г. Институт языка, литературы и истории Карельский научный центр РАН, г. Петрозаводск.

12. Всероссийская Покровская научная богословская конференция, 13-14 октября 2023 г. Московская православная духовная академия, г. Сергиев Посад.

13. Круглый стол «Запись событий по годам как письменная практика», 8–9 ноября 2023 г. Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

14. Всероссийская научно-практическая конференция «Герменевтика христианского текста в литературе, языке, искусстве» 8 декабря 2023 г. Российский государственный социальный университет, Московская православная духовная академия, г. Сергиев Посад.

15. VII Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM» художественная литература: опыт современного прочтения. Дневник, записные книжки, письма в литературе и культуре, 5–6 апреля 2023 г. Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург.

16. Всероссийская конференция «Древняя Русь глазами молодых исследователей», 9–10 марта 2024 г. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

17. XIII Международная научная конференция аспирантов и молодых ученых. XIII научной конференции молодых ученых и аспирантов «Проблемы текстологии и эдиции в литературоведении и фольклористике (к 300-летию Российской академии наук)», 6–7 июня 2024 г. ИМЛИ РАН, г. Москва.

18. VI Международная научная конференция «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты», 20–22 июня 2024 г. ИМЛИ РАН, г. Москва.

19. XXI международная летняя школа по русской литературе, 2–6 июля 2024 г., Институт русской литературы РАН, г. Санкт-Петербург.

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, включающей 264 позиции, семи приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обоснована актуальность диссертационного исследования; представлена степень разработанности проблемы; описаны объект, предмет и материалы исследования; сформулированы цель и задачи; определены научная новизна, методология и методы, теоретическая и практическая значимость; сформулированы положения, выносимые на защиту; приведены сведения об апробации результатов исследования.

Глава 1 «Историография и основные аспекты изучения биографии и литературного творчества князя Шаховского» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе, названном «Историография вопроса», производится хронологический и тематический обзор исследований, прямо или косвенно имеющих предметом специфику литературного творчества Шаховского. В частности, констатируется, что с момента первой публикации источников интерес к творчеству князя Симеона был весьма небольшим и касался преимущественно вопросов четкой атрибуции памятников и соотношения творчества князя с его биографическими данными. Выражением такой ситуации стал ряд общих мнений о литературном таланте Шаховского, содержащихся в нескольких библиографических статьях. Причиной этого стало нелестное отношение к стилю большинства посланий и похвальных слов князя. Описания, переполненные метафорами библейского характера, постоянные полемические отступления и богословские рассуждения, завуалированные отсылки и скрытые аллюзии немного могли дать первым исследователям-историкам и закрепили за большинством текстов Шаховского славу не заслуживающих внимания и трудных для комментирования. До последней четверти XX века можно указать лишь один пример сколько-нибудь обстоятельного комплексного исследования творчества Шаховского – соответствующий раздел в труде С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник». Платонов уточнил некоторые моменты биографии автора «Домашних записок» и сделал вывод о несомненной важности ряда изученных им сочинений в качестве исторических источников, характеризуя, впрочем, автора как писателя-богослова.

Началом острой научной дискуссии и причиной более частого обращения к литературному наследию Шаховского стала претенциозная гипотеза Э. Кинана о нем как об авторе-мистификаторе первого послания Иоанна Грозного и ряда сочинений XVI–XVII веков. Неожиданная атрибуция

Кинана и последующая аргументация им своей гипотезы породила целую серию откликов самого разного порядка, формата и объема. Научный дискурс по вопросу авторства переписки Грозного с момента выхода работ Кинана продолжается уже более полувека, выявляя все новые аспекты изучения этой проблемы. Важнейшим следствием дискуссии 70-х годов XX века, относительно к теме настоящей работы, следует считать кандидатскую диссертацию Е. П. Семеновой «Русская общественная мысль первой половины XVII в. (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина)», в которой впервые поставлена задача подробного анализа жизни и деятельности указанных писателей, а также их творческой манеры (на примере сочинений последних исторического характера). Исключительно ценным для разработки нашей темы является выполненный Семеновой анализ некоторых фрагментов сочинений Шаховского, свидетельствующий о ряде источников его трудов богословского характера и показывающий художественно-изобразительное искусство автора. Эти наблюдения позволили ей более детально заглянуть в «творческую мастерскую» князя и увидеть, как он перерабатывает ряд пассажей из святоотеческих трактатов для насыщения своего труда, помимо прямого цитирования, рядом узнаваемых в его кругу метафор и аллюзий.

К началу XXI века проблема комплексного исследования творческого наследия князя Шаховского и его самого как писателя все еще не имеет своего решения. Д.М. Буланин, обобщая некоторые замечания предыдущих исследователей, подчеркивал в итоговой библиографической статье «Словаре книжников и книжности Древней Руси», что князь остается одним из наименее изученных писателей XVII века.

Второй параграф «Постановка проблемы и атрибуция гимнографических сочинений Шаховскому», определяет актуальность настоящего исследования и его направление.

В отличие от исторических сочинений и, отчасти, т.н. «Похвальных слов», гимнография Шаховского до настоящего времени остается практически terra incognita в научном дискурсе. Хотя автор наиболее обстоятельной биографической статьи о Шаховском Д. М. Буланин и упоминает о кондаках и икосах, составленных князем, но лишь акцентируя практический характер и этих сочинений последнего, в частности, упоминая о причинах их составления. Из прочих гимнографических опытов Шаховского в статье сколько-нибудь характеризуется лишь одна из немногих опубликованных ранее молитв, т.н. «молитва против разлучения», которая предстает образцом возвышенной лирики, «...немыслимой в прежней русской гимнографии»⁴. Ряд иных гимнографических произведений упомянут лишь как иллюстрация к замечаниям о заботах их автора указать степень своего участия в составлении произведения. Между тем,

⁴ Буланин, Д. М. Сimeон Иванович Шаховской-Харя // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 4 Т-Я. СПб., 2004. С. 282.

гимнографические труды Шаховского, упомянутые его биографами лишь косвенно, занимают более трети всех сочинений князя.

Ф.Г. Спасский дал высокую оценку этой стороне литературной деятельности князя Симеона. Предпринятое им изучение службы Софии Новгородской авторства Шаховского показало гимнографическое мастерство князя, отразившего в ней, по мнению ученого, неудачную попытку осмыслить разом богословское наполнение праздника, практику приурочивать его к празднику Успения и новгородский иконографический тип Софии. Исследование проф. Спасского по преимуществу ограничено этим вопросом, однако перу Шаховского принадлежит целый ряд гимнографических сочинений, детальное изучение которых и составляет основу настоящей работы. Несомненно принадлежащими перу князя могут быть названы, помимо службы св. Софии, канон трем святителям Московским, «Канон азбучный на положение ризы, еже есть хитон, великого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», «Кондаки со икосы» трем святителям Московским и преподобному Сергию Радонежскому, наконец, корпус из 27 личных молитв, целиком помещенный в упомянутых сборниках сочинений Шаховского. Все эти сочинения до настоящей работы не были опубликованы и совершенно не изучены.

Основным источником является сборник сочинений Шаховского, имеющийся в двух тождественных списках (рукописи ОР. РГБ. Ф.173.1 № 213, 214) из которых первый является более старшим. Некоторые гимнографические произведения автора находятся в рукописях из собраний РГБ и ГИМ; кроме того, были изучены и произведения Шаховского иного характера. Необходимо было также не исключать из рассмотрения молитвы и молитвенные обращения, составляющие значительную часть «Похвальных слов» авторства князя.

Можно утверждать, таким образом, что общее мнение о том, что к настоящему времени литературное наследие Шаховского исследовано недостаточно, хотя и остается актуальным в целом, однако преимущественно касается изучения гимнографических трудов последнего. В указанном параграфе обозначены основные проблемные аспекты изучения гимнографического творчества князя: требует рассмотрения тема места подобных трудов в творческой биографии Шаховского, в частности, специфика выбора последним гимнографических жанров, частного характера ряда таких сочинений. Изучение формы бытования гимнографических вставок из распространенных богослужебных песнопений в ряде сочинений Шаховского может конкретнее обозначить круг его предпочтений в избрании образцов для своей гимнографии, стилистические особенности цитирования укажут особенности творческой манеры автора.

Глава 2 «С. И. Шаховской как творец канонов, предназначенных для общественного богослужения; его идейные задачи и способы их решения», содержит три параграфа. Каждый из них представляет соответствующее сочинение Шаховского в определенном фокусе внимания,

обусловленном содержанием и формой произведения и определяющем общий вывод о различной в каждом случае задаче гимнотворца. **Первый параграф, «Канон трем святителям Московским: демонстрация искусства гимнографа»**, открывается обзором предпосылок создания Шаховским раннего сочинения церковно-богослужебного характера. Особое внимание уделено фактическим ошибкам предыдущих исследователей при выработке мнения о непосредственных источниках, на которые ориентировался князь Симеон Иванович при создании канона и окончательно определяется канон, несомненно принадлежащий князю (так как имела место неверная атрибуция Спасского, затруднявшая последующие изыскания). Исследуется специфика формы и содержания указанного канона. Отличительной чертой произведения является наличие фразового акростиха, что подтверждает предположение А. Е. Смирновой-Косицкой о знакомстве Шаховского с каноном свт. Никите Новгородскому Маркелла Безбородого, сделанное на основе других памятников. В работе кратко аргументировано предположение, что князь мог быть знаком с гимнографическим творчеством Сергия Шелонина.

Подробно разобраны идейно-смысловые и стилистические особенности данного канона. Так, отсутствие каких-либо житийных моментов в каноне склоняет думать, что автор подразумевал характер нового единого праздника им троем существенно отличным от чествований каждого по отдельности. Идейная направленность канона не повествовательная, но представляет собой почти сплошное прославление с характерной для святительских служб имагологией. Новый праздник несколько изменяет вышеуказанный характер прославления: читающий тропарь становится соратником Богу в деле прославления святых.

Изучение структуры тропарей обнаруживает ряд характерных особенностей. Смысловая правка первой фразы ирмоса актуализирует в начале каждой песни символ библейского события, причем изменения редко касаются самих лексем. По большей части, нужная интерпретация достигается путем уточнительной вставки, меняющей либо место и время, либо адресата воззвания. В целом, изучение метрических особенностей канона приводит к выводу о сознательном украшении произведения в целом ряде характерных моментов.

В работе констатируется, что вопрос поэтической организации средневековой русской гимнографии до настоящего времени представляется дискуссионным. Применение в исследовании подхода Р. Пиккио, рассматривающего в качестве основного изоколический принцип организации стиха, дает значимые результаты; канон трем святителям Московским представляет собой богатый материал для изучения таких изоколических рядов различных типов: чередования рядов колонов с различным числом ударных групп, варьирования рядов и изоколической конструкции рамочного типа.

Исходя из изложенных наблюдений, высказано предположение, что канон трем московским святителям был рассчитан на внимательного читателя, способного оценить как искусство «единоначалия», оговоренное автором, так и высчитать соответствие количества тропарей количеству букв воззвания к святым перед каноном, могущем видеть мозаику из ударных созвучий в классической структуре четырехтропарной песни. Кроме того, можно сделать вывод о намеренной демонстрации искусства гимнотворца Шаховским в данном каноне еще и по той причине, что современники уже знали его по иным сочинениям как «сведущего в божественных писаниях».

Второй параграф главы 2, «Канон Софии, премудрости Божией, яже в Новгороде: экзегеза и толкование иконографии», представляет результаты исследования единственного широко известного гимнографического сочинения Шаховского в качественно новом фокусе внимания. В начале параграфа представлен контекст изучения канона Шаховского – многогранная и сложная тема почитания Софии-Премудрости Божией, аспектов символики, истолкования новгородского иконографического типа, определения места и характера праздника в богослужбном круге и местной традиции. Фокус внимания, предлагаемый в диссертации, определяется новой трактовкой цели Шаховского.

Автор первой службы Софии был поставлен перед задачей определенно указать верное почитание Софии или же дать приемлемое для вопрошающих сочетание разных традиций понимания? В науке до настоящего времени бытовала первая точка зрения на предмет, и опыт решения Шаховским вопроса богословского характера в жанре гимнографии был определяем как неудачный, по словам Ф. Г. Спасского: «...внутреннее содержание службы князя может быть определено как богословские блуждания, водящие его от одного толкования к другому»⁵. По нашему мнению, Шаховской вовсе не решает задачу выбора верной интерпретации храмового посвящения; его задачи иные – дидактическая и гомилетическая. Гипотеза, что эта служба была заказана князю с целью утвердить и распространить толкование иконографии, включавшее в себя весь спектр интерпретаций, позволяет высказать тезис, что Шаховской подошёл к делу ответственно, выказывая и здесь должную эрудицию и подчиняя гимнографический текст выражению соответствия смыслов, присутствующих в толковании иконы Софии Новгородской, событиям церковной истории и фрагментам пророческих книг Библии. На этом безусловном авторитете Шаховской, в противность Зиновию Отенскому, постулирует возможность сложного толкования Софии. Детальное изучение содержания канона, применения автором библейской экзегезы и употребления им в нужном контексте толкования иконографической символики служит базой аргументации для нашей гипотезы.

Сочинение Шаховского, следовательно, может трактоваться как задуманное со сложной композицией: гимнография здесь является

⁵ Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М., 2008. С. 278.

инструментом, позволяющим в классической форме богослужения (как совокупности сочинений нескольких специфически церковных литературных жанров) дать более понятный вариант известного автору древнего сочинения, чрезвычайно усложненного и запутанного толкования иконографии Софии. Можно предположить, что задача выражения всего спектра символики чтимого образа в понятной форме явилась определяющей для автора, не стремившегося оставить в стороне одно из толкований как неверное.

Сложность задачи объединения различных тематических аспектов одного образа Софии в сознании современников определяет отмеченный нами прием смыслового ограничения на нижнем уровне тематической структуры сочинения Шаховского: каждая единица текста выражает только одно из возможных толкований, позволяя избежать путаницы в момент евхологического обращения.

Следующий уровень тематической организации, объединяющий ряд смысловых единиц-тропарей, по нашему мнению, состоит в тематическом построении каждой песни, подробно разобранным в диссертации: выверенное место экзегезы, евхологической составляющей и толкования иконографии определяют стройную композицию канона. По нашим наблюдениям, Шаховской строит свое произведение как классический канон с Богородичными тропарями в конце каждой песни, посвящая его тайне явления Христа в мире, его Церкви и его творении, и эту тайну причастности человеческого существа Христу через Богородицу определяет именем Софии. При таком фокусе внимания к сочинению князя он предстает неординарным гимнографом-богословом, композиционно помещающим исходное понимание Софии как второй ипостаси Божества в центр богослужения и обрамляющим его более поздней атрибуцией богородичной символики в стихирах.

В подразделе «Библиейская экзегеза и отсылки к гимнографическим источникам» уточнены более ранние атрибуции источников топики и символики канона, а также указаны иные источники вдохновения Шаховского, которые удалось обнаружить.

В третьем параграфе с названием **«Канон Положению ризы в Москве: изложение христологии и полемика»** сделан акцент на изучении апологетического характера данного канона. Из богослужбных сочинений князя только это произведение включено в сборники сочинений князя Шаховского, которые по преимуществу можно характеризовать как сборники трудов на богословскую и каноническую тематику. Изучение богословской составляющей этого канона в данном фокусе внимания может, по нашему мнению, показать справедливость мнения Е. П. Семеновой о выраженном практическом характере литературной деятельности князя (это доказывает производимый тематический разбор сочинения). Мотив ношения Христом ризы как свидетельства полного вочеловечения прослеживается на протяжении всего канона, как в контексте изложения событий новозаветной истории, так и в контексте осмысления празднуемого события. Другой аспект

темы Боговоплощения, тождество Христа второй ипостаси Троицы, также неоднократно осмыслен автором канона. Целая группа тропарей представляет собою поэтическое изложение темы божественного кенозиса при воплощении и крестной смерти Христа.

Значительное количество библеизмов в тексте выражает следующую характерную особенность гимнографии Шаховского: включение цитаты в контекст изложения без разрыва фразы и существенного перефразирования (если это не касается вставки гимнографического текста из Постной Триоди, включающего новозаветный образ). Отражение в каноне концепции собрания московских православных в кремлевском храме Успения как «народа Божия», «нового Сиона» и «нового Израиля» тематически ставит произведение Шаховского в ряд современных ему сочинений. Минимум исторических сведений в гимнографическом тексте автор компенсирует семантической насыщенностью описаний объекта поклонения и самого предмета праздника.

В данном параграфе произведение Шаховского исследовано и с точки зрения структуры и композиции. Тропари канона на Положение ризы существенно отличны от тропарей первого канона Шаховского (как и от тропарей канона митрополита Киприана), прежде всего, фактическим размером, будучи в среднем больше по размеру в два и более раза. Помимо азбучного акростиха, следует указать стремление автора к эпифоре конечных строк тропарей и богородичных, в большинстве своем выдержанных по окончанию ирмоса, причем в ряде мест этот прием выглядит искусственным.

В заключении параграфа делается вывод, что задача гимнографа в данном случае была полемической. Пространные тропари, посвященные изложению православного учения о воплощении Христа, были призваны утвердить и распространить это учение путем храмового чтения на соборном богослужении. Сочинение князя уточняет характер самого торжества, объясняя его смысл не только в контексте «заступления граду Москве», но и в контексте непосредственно вероучительном. Служба Шаховского Положению Ризы, следовательно, может быть рассмотрена в цикле антипротестантских его сочинений. Наконец, в подразделе данного параграфа на примере указанного канона иллюстрируется авторская позиция Шаховского на предмет переработки им определенных образцов в самостоятельные произведения, иначе говоря, степень самостоятельности гимнографического творчества Шаховского. Уточняется и дополняется классификация Е. П. Семеновича трудов князя, произведенная по принципу надписаний им своих трудов соотносительно со степенью их оригинальности. Нами приведены как прямые интерполяции в текстах стихир и тропарей канонов Шаховского, так и перифразы, указанные в сопоставлении с текстом источника (в подавляющем количестве случаев служб Триоди Постной), а также сделан ряд замечаний относительно характера обработки Шаховским указанных вставок.

Результаты исследования акафистов авторства князя представлены в отдельной главе 3. «Гимнографические сочинения С. И. Шаховского для частного молитвенного правила: акафисты русским святым», имеющей три параграфа. Два гимнографических сочинения Шаховского, названные им «Кондаки со икосы трем Московским святителям» и «Кондаки со икосы преподобному Сергию Радонежскому», обращают на себя внимание выбором редкого в русской богослужебной практике гимнографического жанра акафиста, равно как и опытом создания акафистов отечественным святым.

В первом параграфе, «Предпосылки к созданию князем подобных сочинений и основания для атрибуции обоих акафистов» сжато рассмотрено бытование в древнерусской богослужебной практике гимнографических сочинений акафистной формы. Создание князем Шаховским акафистов, не имевших четкого места в составе суточного богослужения, не было явлением новым и могло быть известно ему по традиции келейного правила Троицкого монастыря либо монастырей, находящихся рядом с его вологодскими вотчинами. Форма помещения акафиста трем святителям Московским в составе канона им также следует традиции места акафиста в списках, предназначенных для келейной молитвы.

Несомненный факт создания акафиста московским святителям и преподобному Сергию как первых подобных сочинений русским святым ставит Шаховского в число гимнографов-новаторов досинодальной эпохи. В параграфе производится обзор истории создания акафистов Шаховского, а также подробно изложена достаточно сложная история верной атрибуции каждого из них автору. В ходе изучения вопроса нами был обнаружен и разносторонне изучен новый, более ранний список первого из акафистов князя Симеона. В Приложениях к диссертации оба акафиста публикуются впервые: акафист святителям Московским по новонайденному списку, акафист преподобному Сергию Радонежскому по единственному исписку из собрания ГИМ (Синод. III).

В работе подробно изучена специфика содержания «Сопроводительной записки» к первому из акафистов Шаховского как имеющей ключевое значение для понимания характера гимнографического творчества Шаховского. В этом документе содержатся самооценка автором своего гимнографического творчества и рассуждения о возможности такого творчества. Примечательно и то, что желание подражать Великому акафисту (и первым переводным акафистам), равно как и свое гимнографическое творчество в целом, князь Симеон считает нужным обосновывать. Посылая, однако, непосредственно патриарху свою «похвальную догму» и «силлогизмо», Шаховской старательно шифрует свое автора и каждое из званий. Характерным для литературного творчества Шаховского является то обстоятельство, что в «Записке» сознание автором своего дарования гимнографа обосновывается с помощью ряда реминисценций и прямой библейской цитации. Искусный в составлении сочинений других жанров, князь просит принять его опыты как свидетельство определенного таланта,

выказывая, таким образом, определенную литературную смелость. «Сего дарования Божия не могу сокрыти и под спуд положить», – пишет Шаховской патриарху, прося не только одобрить его сочинение, но и «Церкви Божии предати», разрешить его распространение.

Во втором параграфе с названием **«Акафист трем святителям Московским: новый опыт прославления русских святых»** производится детальный анализ метрической специфики и уникальных особенностей первого из акафистов князя (эти стилистические приемы будут развиты в следующем акафисте), именно, развернутых и кольцевых хайретизмов, нерегулярности соблюдения принципа семантической и логической антитезы, выпуклой неоднородности размера воззваний, рамочной структуры рефренов, позволяющей предположить ориентацию на определенный образец. Отмечены характерные особенности содержания: трехчастная конструкция восхваления, отраженная в ряде уподоблений и метафорических описаний, переработка оригинального инципита с привнесением кардинально нового смысла, скрупулезная проработка согласования евхологических пассажей. Поэтическая составляющая данных произведений по большей своей части сходна с основным образцом путем идентичности метафорических описаний, однако князь и здесь не был лишь последовательным переработчиком одного источника: в его сочинении акафистного типа есть икосы, содержащие полностью отличный от Великого акафиста ряд хайретизмов: это обстоятельство следует объяснять иным агиографическим материалом.

Значительный по объему третий параграф **«Акафист преподобному Сергию: типологичное и оригинальное творчество»** содержит подразделы:

- Опорные тексты и характер обработки заимствованных фрагментов;
- Специфика тематической структуры обетного акафиста С. И. Шаховского;
- Акценты гимнографического образа преподобного Сергия;
- Прием уподоблений как способ характеристики в акафисте преподобному Сергию.

В них подробно освещены различные аспекты изучения обетного акафиста Шаховского, являющегося, вероятно, последним его гимнографическим сочинением. Обозначим некоторые результаты анализа содержания акафиста:

Строфические ключи Великого акафиста, ставшие псевдотекстовым акростихом значительного количества позднейших произведений такого типа, не являются единственным таким местом, указывающим на следование образцу, причем прямое копирование исходного текста является более редким явлением, чем вариативно расширяющая исходную метафору правка либо стремление Шаховского к схожему с образцом звучанию нового хайретизма. Изучение характера обработки исходного текста приводит к мысли о произвольной вариативности для достижения нового звучания,

равно как и выражения новых смысловых акцентов. Таким образом, копирование было не вполне последовательным, что указывает на специфику и скрупулезность редактуры Шаховского-гимнографа. В диссертации обозначены источники, следы ориентации на которые в произведении Шаховского нам удалось обнаружить, приведены примеры обработки последним исходного текста и компиляции им фрагментов нескольких источников.

Акафист Шаховского Сергию Радонежскому уникален начальной адресацией сочинения Богородице и композицией хайретизмов в каждом из икосов: чередование кратких и длинных воззваний, при общей нестабильности расположения в икосо, упорядочено определением «повествовательного периода» внутри икоса. Также в параграфе на основании соотношения хайретизмов в ряде икосов делаются некоторые предположения о внимании автора к ритмической и мелодической структуре своего акафиста, что доказывается следованием в ряде случаев единообразию морфем, сохранением ударных групп и объединением хайретизмов в ритмический блок по принципу увеличения длительности колона.

Символические описания подвига преподобного Сергия, выдержанные в традиционной для подобных текстов метафорике, дополнены системой выражено акцентированных топосов; при всей ориентированности на образцы, обетное сочинение князя имеет собственные лейтмотивы и смысловые акценты. Значительнейший из них – мотив подвижничества Сергия, понимаемого как воинского подвига. Радонежский чудотворец предстает как сильный борец, победитель, в схватке наносящий раны, прогоняющий и уничтожающий противника, святой, молитва которого крепче любого вооружения.

Значимым для отражения специфики акафиста Шаховского является характер обработки последним житийных сюжетов для гимнографии. В большинстве случаев достаточно развернутый сюжет жития преподобного Сергия автор стремится уложить в один хайретизм, отчего тот выглядит очень громоздко на фоне остальных восхвалений, строфы которых обыкновенно имеют от двух до пяти-шести слов. Характер развития исходного образа гимнографом иллюстрирован обработкой Шаховским евангельских мотивов христианского подвига как небесного жительства и горящей свечи в усложненные, но, однако, не теряющие цельности системы образов, объединенных единой метафорикой.

Акафист преп. Сергию авторства Шаховского, по нашим наблюдениям, представляет собою пример последовательного применения принципа уподобления как одного из значимых в древнерусской гимнографии. Выбор Шаховским разных агйотипов в акафисте прп. Сергию Радонежскому указывает на иллюстрацию мотива о сочетании подвижником различных путей и дарований святости, равно как и на особенную значимость самого Сергия как агйотипа для русских святых. Задачу автора прославить преподобного Сергия можно определить, следовательно, как

задачу в известной мере творческую, в процессе решения которой прием сравнения с агиотипом в развернутом синкрисе применяется для определения новых коннотаций устоявшегося житийного образа.

Второй параграф завершается подразделом «Параллелизм хайретизмов в различных источниках как признак единого цикла сочинений автора». Сравнение хайретизмов в нескольких разножанровых сочинениях князя Шаховского на одну тему (на примере акафиста, канона и похвального слова святителям Московским) показывает их единую стилистику и употребление вплоть до пословного повтора; виршевые элементы канона в ряде случаев воспроизводятся в «Кондаках со икосы», а семантический ряд, обусловленный единым агиотипом святых, идентичен во всех памятниках на одну тему. Наличие выраженной формы хайретизмов заставляет предполагать гимнографичность ряда произведений князя, не отличающихся по стилистике и содержанию сходных евхологических фрагментов.

Глава 4 имеет название «**Формы гимнографии в литературном наследии князя Шаховского**» и преимущественно посвящена носящим частный характер гимнографическим опытам Шаховского.

Первый параграф главы, «Состав, форма и содержание личных молитв», посвящен корпусу из 27 личных молитв Шаховского, помещенных в сборниках его сочинений. Содержание этих молитв не позволяет относить их к определенному циклу вечерних, т. н. «спальных» молитв (имеющих к началу XVII века устойчивую традицию), однако знакомство Шаховского со справщиками Московского печатного двора, происходившими из круга Троицкого архимандрита Дионисия позволяет предположить его осведомленность о ряде частных молитв, в традиции Троицкого монастыря ежедневно присоединяемых к уставным чинопоследованиям. Здесь же делается предположение о знакомстве Шаховского с некоторыми памятниками молитвенного обихода Великого княжества Литовского.

В параграфе произведен краткий анализ содержания молитв князя и высказан ряд наблюдений, позволяющих установить некоторые образцы для них, каковыми оказываются молитвы седмичного цикла свт. Кирилла Туровского, выдержки из Просветителя Иосифа Волоцкого, а, точнее, компиляции Иоанна Наседки – Просветителя Литовского, ряда тропарей из служб Постной Триоди и покаянного канона Богородице. Время и место составления молитв можно косвенно установить по характеру перечня поименованных святых в молитве соборам русских князей, святителей и преподобных, а также некоторым указаниям в молитвах за царя и патриарха.

Изучение структуры корпуса молитв Шаховского показывает, что две опубликованные В. К. Былиным виршевые молитвы (т.н. «Молитва о неразлучении брака» и молитва преп. Дмитрию Вологодскому) являлись единичными опытами, подобными опыту изоколического построения ряда тропарей канона трем святителям Московским. В составленной виршами молитве св. Димитрию Вологодскому князь, взяв за основу молитву свт. Николаю Чудотворцу, наполняет ее новым эмоциональным звучанием.

Заключительная молитва Шаховского преп. Макарию Унженскому, построена на тематическом параллелизме: ряд прошений последовательно ориентирован на силу святого сотворить с молящимся чудеса, подобные уже сотворенным. Перечень примеров такого параллелизма представлен в работе.

В заключении данного параграфа резюмируются наблюдения над корпусом молитв Шаховского, обосновывающие наше предположение о трехчастности корпуса молитв Шаховского, в котором средняя часть имела подчеркнуто личный характер, а первая и третья представляли собой различные опыты следования известным автору образцам.

Второй параграф, **«Гимнографические интерполяции в тексте сочинений иных жанров»**, показывает наличие целого ряда примеров использования автором цитат из богослужебных памятников в сочинениях заведомо не гимнографических, всегда – с выраженной целью, что определяет характер и стилистику таких гимнографических вставок. В качестве примеров избраны два разножанровых сочинения: «Послание, к некоему любомудрецу, несмысленно глаголющу, яко Господь наш Иисус Христос вместо душа человеческия прият Дух Святой» и «Моление зело умильное» князя Шаховского патриарху Филарету. В первом случае цитаты из образцов православной гимнографии, хорошо известных обоим собеседникам, приведены Шаховским в полном виде, причем четко маркированы их начало и конец. Гимнографические цитаты здесь выполняют функции микротекста, занимающего выверенное место в четкой структуре послания. Напротив, «Моление зело умильное» патриарху Филарету рисует совершенно иную картину: гимнографические реминисценции, не имеющие вид отдельных цитат, но встроенные в основной текст, призваны служить наиболее точным выражением настроения пишущего, переданным не только через ряд обособленных библейских отсылок, но в контексте хорошо знакомого адресату Великого канона Андрея Критского. Эти покаянные формулы подобраны автором так, чтобы склонить патриарха к милосердию путем имплицитного мотива всеобщей наклонности ко греху.

В третьем параграфе с названием **«Специфика цитирования фрагментов Октоиха в контексте интереса С. И. Шаховского к вопросам книжной sprawy»** изучается характер бытования цитат из указанной богослужебной книги в ряде посланий Шаховского. Внимание к книжной справе в контексте гимнографических опытов Шаховского представляется неудивительным, так как обусловлено личным знакомством со многими справщиками и предметом самого дела – поиском «правильного» текста, который необходимо было узаконить и распространить, а тексты, содержащие ошибки, изъять из употребления. Тесные контакты с Крутицким митрополитом Киприаном, келарем Троицкого монастыря и рядом справщиков позволяли Шаховскому следить за ходом sprawy и быть активным участником полемики на данную тему. Эта полемика, как видно по ряду посланий Шаховского, по ряду причин непосредственно входила в сферу его богословских интересов. В параграфе подробно изучено послание

князю Ивану Черкасскому на эту тему, публикуемое в приложении к настоящей диссертации, его стилистика и композиция аргументации автором верности своего мнения.

Послания Шаховского по отдельным вопросам книжной справы имели хождение среди определенного круга его знакомцев, как то можно заключать из слов самого князя, не считавшего нужным дважды объяснять одно сложное место, но отсылавшего собеседника к своему первому ответу по тому же вопросу и придававшего, таким образом, некоторый публицистический оттенок, по крайней мере, более ранним из них. Комплексное изучение посланий подобного рода (на примере послания Шаховского митрополиту Киприану по тому же вопросу) склоняет думать, что, будучи вовлечен в обсуждение вопроса и разобравшись в нем, князь принимается за написание целого цикла сочинений на данную тему, среди которых богослужбное сочинение становится новой формой публицистического послания широкой аудитории в классической форме гимнографии.

В параграфе сделаны некоторые замечания (в каждом случае с рядом соответствующих примеров) о функциональном характере гимнографических цитат в таких посланиях по вопросам книжной справы, приведенных всякий раз с указанием их места в богослужении (так как в данном случае точная цитата становится исходной точкой рассуждения, и собеседник должен иметь возможность легко ее проверить). Сложное место позволяет автору проявить замечательную эрудицию при обосновании *consensus patrum* по данному вопросу. С этой точки зрения цитирование Шаховским последних не выглядит нагромождением фрагментов, но расположено в соответствии с развитием рассуждений князя-богослова. Основной апологетический мотив Шаховского исправить сомнительные фрагменты в богослужбных книгах, по нашему мнению, становится основной причиной упорства объяснить собеседнику свое видение проблемы исправления гимнографических текстов и может объяснить стремление непогрешительно излагать аспекты православного вероучения уже не в контексте богословского диспута, а путем создания новых гимнографических произведений.

В **Заключении** содержатся основные выводы и подводятся итоги исследования.

В **Приложениях 1–7** впервые публикуются гимнографические труды С. И. Шаховского, часть его «Слова похвального трем святителям Московским», содержащая ряд хайретизмов им, а также послание князю Ивану Борисовичу Черкасскому, содержащее ответы на ряд недоумений адресата по вопросам необходимости книжной справы некоторых фрагментов богослужбных книг.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

***Публикации в рецензируемых научных журналах,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ***

1. *Малюта Е. Г.* «Молитва о патриархе» князя Шаховского: предварительные наблюдения // *Modern Humanities Success*. 2023. № 4. С. 65–68.
2. *Малюта Е. Г.* К вопросу о важности комплексного изучения литературного творчества князя Симеона Шаховского: гимнографические сочинения. // *Russian Linguistic Bulletin [Электронное издание]*. 2023. № 4 (40). Код доступа: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.19>
3. *Малюта Е. Г.* Стилистический способ аргументации в «Молении зело умильнем...» князя Симеона Шаховского // *Вестник филологических наук*. 2023. Том 3. № 2. С. 160–166.
4. *Малюта Е. Г.* О малоизвестном третьем каноне трем святителям Московским // *Modern Humanities Success*. 2023. № 4. С. 146–149.

Публикации в других научных изданиях

5. *Малюта Е. Г.* Личное среди типового (История одной виршевой молитвы князя Симеона Шаховского). // *Слово и образ*. 2024. № 2 (7). С. 286–298.
6. *Малюта Е. Г.* Автобиографический фактор жанровой системы сочинений Симеона Шаховского // *INITIUM*. Сборник научных трудов. 2023. № 6. С. 29–32.
7. *Малюта Е. Г.* «Князь Симеон Шаховской на Русском Севере». К изучению творческой биографии писателя // *Рябининские чтения: Материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2023. С. 43–45.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90058 («Аспиранты»).